

Даниэль Брэн
Алина Савельева

Не в этой
ЖИЗНИ

Даниэль Брэнн

Не в этой жизни

<https://litres.ru/74204022>

Аннотация

Желанная дочь, не самая любимая работа, вынужденная ипотека — все как у всех, я не в претензии к этой жизни. В один не самый прекрасный момент раздается телефонный звонок от отца моей дочери.

Есть нюанс. Отца у моей дочери нет. И никогда не было.

Непростая, но жизнеутверждающая история без насилия и принуждения. Экологичные отношения, действительно властный герой, по-настоящему сильная героиня, ХЭ.

СЛР — социальный любовный роман. Новый жанр, новые эмоции.

Создано без использования ИИ. Обложка Ханны Хаимович.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава первая

— Послушайте, я все оплачу. Вы же знаете, — в который раз повторила я упрямой девчонке на том конце линии. Почему кто-то идет работать в колл-центр, а кто-то убирает чужие квартиры, как я?

— Ирина Александровна, у вас вторая просрочка, — жестко напомнила девушка.

— За четыре года! — не выдержала я.

— За три месяца, — мне, конечно, ее не переговорить, но что она хочет, чего вообще хотят эти люди, кроме того что отработать определенное количество звонков?

— Что вы от меня хотите? Вот прямо сейчас? — озверела я. — Чтобы я взяла деньги — где? У вас же разговоры записываются, верно? Тогда давайте так: я сейчас стащу у хозяйки квартиры золото, она его особо не прячет, а следовательно я назову ваше имя, идет? И название банка. Ну, вы же считаете, что давите на клиентов с просрочками, так давайте надавим до конца?

— Я что, прошу вас совершить преступление? — растерялась девица, видимо, у нее не было прописано это в скриптах, а угроза — поди угадай, вдруг я и вправду так сделаю. — Ну возьмите у кого-нибудь взаймы.

— А у вас лично что, дофига людей, которые дадут вам сто двадцать тысяч? Тогда займите их для меня. Я вам отдам

сразу, честно-честно.

Когда твоя специальность по диплому — режиссер теат-
рализованных представлений и праздников, ты способен и
не на такое. Вот только очень паршивый из меня режиссер,
судя по моей жизни.

— Давайте так, Ирина Александровна, — после паузы
предложила девица. — Я вам ставлю еще пять дней, погаси-
те долг?

Я уже ей три раза сказала, что послезавтра смогу погасить
только семьдесят тысяч, а остальное — через две недели, но
раз она такая тупая, пускай.

— Хорошо, спасибо.

Я сунула телефон в карман джинсов и снова включила пы-
лесос. Потому что роботы — это для тех, у кого нет денег на
профессиональный клининг, хмыкнула я. И что я там еще
придумывала для нашей фирмы, пока дела мои не стали на-
столько дрянь, что я сменила рекламные лозунги на тряпку
и спрей для чистки кафеля.

— Ира, все хорошо? — в дверь заглянула хозяйка, и пы-
лесос пришлось выключить. — Вы говорили на повышенных
тонах.

Я напряглась — Эльвира была сдержанной и тактичной
женщиной с одним, но очень большим недостатком: работа
наложила на нее такой отпечаток, что невозможно было ее
обмануть, но я попробовала.

— Все хорошо, — кивнула я. Она наверняка слышала все,

может, предложит деньги? Но нет, в ее понимании должник либо истец, либо ответчик.

— Ну и отлично. Тогда не кричите, пожалуйста, я пытаюсь работать.

Нажалуется, скрипнула зубами я, как пить дать. Такой стерве с доходами пару миллионов в месяц и без детей сложно понять, как выживать с ребенком и ипотекой. Я ей мешаю, значит, я должна замолчать, а еще лучше, если меня оштрафуют. Минус, когда ты не наемный работник, а самозанятое лицо.

Я натянула перчатку, брызнула спреем на уже подсохший диван, снова потянулась к пылесосу, как телефон в кармане завибрировал.

— Черт!..

Я думала не брать трубку, сколько можно, но, может, это не банк? А кто тогда, прикидывала я, рассматривая на экране «Номер неизвестен».

— Алло.

— Ирина Скворцова? Здравствуйте. — Мужской голос, какой-то совсем неприятный, холодный, наверное, банк зашел по второму кругу. Какая я дура, что наплела про кражу! Я не могу портить отношения с банком, что если мне придется рефинансировать ипотеку? — Вы обращались в клинику «Нова Лайф» пять лет назад. Нам с вами необходимо обсудить возникшую с ними проблему.

Это еще кто? Я стащила перчатку, потому что рука в ла-

тексе нещадно потела, перехватила телефон.

— У меня нет к ним претензий, — буркнула я. — Они все сделали точно по договору, вон бегают результат. И вообще, как вы об этом узнали?

— У меня есть претензии, — возразил мужчина. — Меня зовут Андрей Демидов, и мне нужно, чтобы вы сделали анализ ДНК вашего ребенка. Я хочу убедиться, что мой генетический материал не был использован в вашей процедуре. А если был, то...

— Что-о? — нервно хохотнула я. — Вы здоровый? Может, у вас не к «Нове» претензии, а к вашему психиатру?

— Психически я абсолютно здоров, если вам это интересно как возможной матери моего ребенка. Все, что мне нужно знать...

Мужчина продолжал говорить, но после слов «МОЕГО РЕБЕНКА» у меня в ушах был только гул от внезапно ускоряющегося пульса.

— Вашего? Это мой ребенок! Понятно! Только мой! — окончательно взбеленилась я. — И мне не нужно знать больше, чем я уже знаю о доноре генетического материала, который я, между прочим, купила! Не буду я ничего делать, до свидания! И не звоните больше сюда!

Кто именно донор, я не знаю. Законом запрещено это знать. Состояние здоровья, генетический тест на всякие разные риски, рост, вес, возраст, национальность, цвет глаз, цвет волос, знак зодиака — господи, какая же ересь, еще бы

карты таро раскинули. У моей дочери нет отца — а, собственно, я же так и хотела.

Лучший учитель — чужой опыт. Из кучи браков, что я наблюдала, статистика говорила не в пользу того, что стоит сначала искать мужчину, а после рожать от него детей. Отдельные счастливые случаи — ошибка выжившего, которую лучше не брать в расчет. И вообще наши давние-давние предки предпочитали жениться на женщинах, у которых уже есть ребенок.

Но, конечно, главная причина в том, что я так и не встретила мужчину, от которого хотела бы родить, это раз, он был бы достоин роли отца — два. Даже влюбленности в моей жизни случались какие-то крайне короткие. Слишком быстро приходило осознание, что человек обладает качествами, с которыми я точно не уживусь, а отец из него выйдет... да нет, не выйдет. Жизнь мелькала перед глазами кадрами, в которых, по сути, никогда и не было достаточно серьезных отношений для того, чтобы подумать о совместном ребенке, о маленьком человечке, за которого я буду делить свою ответственность с кем-то еще.

С кем-то, кто до ответственности еще не дорос, несмотря на, бывало что, и седины.

Очередной звонок прервал воспоминания, как я решилась на ЭКО, будучи одинокой женщиной.

— Ирина, вы не понимаете, с кем говорите, — продолжил мужчина, словно не было паузы. — Я...

— Да мне, знаете ли, плевать, — рывкнула я. — У вас есть претензии к клинике — предъявляйте, а меня оставьте в покое. Больше я трубку брать не буду и разговаривать с вами не буду тоже.

Я не могу внести его неизвестный номер в черный список, но я могу перевести телефон в режим «не беспокоить», и если этот нахал не дозвонится, быть может, неосторожно напишет сообщение. Я с чистой совестью его заблокирую, и вот тогда пусть хоть днюет и ночует в попытках донести до меня свою мысль.

Я храбрилась, но меня до сих пор трясло от сказанных им слов — «моего ребенка». Я вышла из комнаты, прошла по коридору, застыла у открытой двери кабинета хозяйки и дождалась, пока она подняла от ноутбука голову.

— Вы правы, Эльвира, простите, да, у меня не все хорошо, — покаялась я. — Можно я... спрошу у вас профессиональное? Я понимаю, что это стоит денег...

Эльвира сняла очки, подумала, кивнула.

— Если смогу, отвечу. Не думайте, что хозяйственник разбирается в ценных бумагах или продаже дачных домов.

— Не домов... Мне звонил человек, у которого есть претензия к клинике, где я... где я делала ЭКО. От донора, я знаю, что это важно, мне объясняли. И вот теперь он говорит, что у него к этой клинике какие-то претензии, а я должна пойти и сделать тест ДНК дочери.

Он сказал не так — «мне нужно, чтобы», но какая, к чер-

ту, разница.

Эльвира покачала головой, усмехнулась.

— Никому вы ничего не должны. Максимум — повторяю, максимум! Исключительный случай! — суд вас обяжет сделать анализ ДНК. Какой это должен быть случай? — она на секунду задумалась. — Ну, если вы будете участником процесса хотя бы как третье лицо. Даже статус свидетеля... сомневаюсь. Да, или будет возбуждено уголовное дело и... не надо так бледнеть, боже мой, что я такого сказала? Если будет возбуждено уголовное дело и вы будете признаны потерпевшей. Уголовное дело возбуждено?

Я помотала головой. Я же не знаю.

— Тогда идите работайте. И да, — окликнула она меня, когда я уже была на пороге комнаты, где убиралась, — если будет нужно, обращайтесь.

— Я вас не потяну, Эльвира, но спасибо... — выдохнула я и тихо закрыла дверь.

Она права. Мне надо работать. Закончить уборку этой комнаты, а потом ехать к другой клиентке, у которой престарелая мать, и пока сиделка будет выгуливать старушку, убраться там. Там все проще и легче — по старинке.

Я достала телефон — никто не звонил, и даже уведомления нет. Стараясь не разреветься, открыла фотографию дочери. Ей четыре, и она мое счастье, неподдельное, настоящее. Хотя бы что-то я сделала правильно — родила дочь, и никто, просто никто, никогда не заявит на нее свои права.

У нее нет отца. Он не имеет никаких прав и никаких обязанностей, а...

Может быть, это была истерика, ну конечно, а как еще реагировать, если я вспомнила, кто такие доноры. Нет, им спасибо, они помогают многим, спасибо искренне, но властный донор биоматериала такого плана еще смешнее, чем властный таксист.

— Вообще я несколько лет очень успешно играю на бирже, но для души прихожу в эту клинику...

Жизнь временами такая срань.

Глава вторая

— Все, хватит. Я больше никому не буду звонить.

Я с такой силой шлепнул на колени несчастный телефон, будто он в чем-то передо мной провинился, и Лиза, хмыкнув, постучала пальцем по мгновенно ожившему планшету.

— Здесь пятнадцать женщин, Андрей. Это была твоя идея. И да, это мерзко, — кивнула она, как всегда угадывая мои мысли, и я без слов с ней согласился. Мерзко, но непонятно, что мерзотней — врываться в чужую жизнь или реакция тех женщин, которым я позвонил до Скворцовой.

Лиза сказала, что не позволит мне вмешиваться в жизнь семей, как бы мне ни хотелось узнать всю, черт ее побери, правду об этой конченной клинике. Но даже матери-одиночки, услышав мое имя, были готовы бежать хоть на край света, чтобы оказаться причастными ко мне.

Я нарушал закон, и Лизу, конечно, это злило. Но мы с ней знали друг друга с первого класса, я никому не доверял больше чем ей, моему директору по правовым вопросам, и она не смогла мне отказать, когда случилась... эта задница.

В таком дерьме я еще не бывал.

— Мне надо было сдать материал Адаму, — сквозь зубы выдавил я. Лиза захохотала, я поправился, благодарный ей за эту эмоцию: — Что ты ржешь, в Израиле полно клиник ЭКО. Я все равно оперировался там.

— Вообразила себе физиономию Шварца, — все еще фыркая, пояснила Лиза. — Вот он я, принес тебе на сохранение самое дорогое... Нет, Андрей, то, что ты сдал материал до операции, правильно с точки зрения медицины, и нет смысла себя за это поедом есть, — став серьезной, добавила она, подошла ко мне ближе и села напротив в кресло. — Все врачи, и наши, и в Израиле, говорили, что это оптимальное решение. Да, может быть, в клинике Адама — или куда бы ты там отвез свои пробирки — не случилось бы этой срани. Но давай так: ты не должен себя обвинять в чужих косяках.

Я сквозь зубы вздохнул, посмотрел рассеянно на телефон, и Лиза словно что-то поняла, наклонилась и забрала его у меня.

— Я не понимаю, почему я должен звонить лично, сам.

Тишина начала потрескивать. Я не первый раз задавал Лизе этот вопрос и надеялся, что хотя бы сейчас она не уйдет от ответа. Что-то было с этим не так с самого начала — и когда я через третьи руки узнал, что проклятая клиника умудрилась перепутать донорский материал. Что они использовали как донорский материал то, что просто было передано им на хранение.

«Мы не знаем, использовали ли они! Известно, и то еще идет следствие, что они возможно — возможно, Андрей! — перепутали некоторый донорский материал!» — доказывала мне Лиза, и я соглашался с ней, но мысль, что где-то совершенно случайно родился ребенок...

Мой ребенок, неизвестно от кого. Я согласился на вазэктомию, поскольку был вынужден. Со здоровьем не шутят. Перестраховался, все сделал вроде бы грамотно. И вот прилетело, откуда совсем не ждали!

Лиза сдалась, пусть и не сразу. Она подняла связи, наняла грамотных детективов, и они установили пятнадцать женщин, которые теоретически могли оказаться матерями моего ребенка. До сих пор ее триггерила эта ситуация, триггерила до такой степени, что она отдала мне списки при условии: каждой женщине я звоню лично. Сам.

Я ощущал себя идиотом, особенно на последнем звонке. Мне казалось, что я с ноги врываюсь в чью-то жизнь, хрупкую, словно бы из стекла, и бью по ней сапогом с размаху. Я понимал, почему так реагирует Лиза, у нее были на то причины, я своей реакции не понимал.

«А мне не надо!» — рывкнула на меня Сковрцова. Бесило не потому, что она повысила на меня голос. Не потому, что она едва не послала меня — это, в общем-то, справедливо. Бесило, что все остальные чуть не визжали от радости, узнав, кто я такой. А эта даже слушать не стала. Может, надо было начать со слов «Вас беспокоит тот самый Андрей Демидов, миллиардер, не хотите ли проверить свои шансы урвать кусок пирога?» Наверняка тогда и тон бы сменила сразу, а не шипела в трубку. Змеюка!

Насколько их всех счастливыми сделал ребенок от донора? Мой он или нет, вышло, что живой маленький человек

как выигрышный лотерейный билетик. Ура-ура, я могла родить от донора-миллиардера.

— За тебя, друг дорогой, конечно, сделают любую грязную работу за деньги, — глухо, не поворачиваясь ко мне, глядя в окно, сообщила Лиза, а я помотал головой, мол, чем эти звонки отличаются в общем от всего остального? Лиза меня не видела, поэтому выдержала достаточную паузу. — Только те, за чей счет ты решил почесать свое чувство собственной важности, совершенно ни в чем не виноваты. И их дети. И их семьи. Пять лет прошло, ты хоть подумал, сколько изменилось с тех пор?

Она повернулась. Не самая красивая, не самая ухоженная, может быть, после третьего брака она вообще перестала «быть женщиной», как сказали бы, морщась, — стала собой. И в целом она была совершенно довольна жизнью: с любимой работой и двумя оглоедами.

— Ты понимаешь? Ты рушишь чужую жизнь, она уже никогда не будет прежней. — Силуэт Лизы на фоне окна казался темным, как вырезанный из черной бумаги. — По прихоти, но предположим, что ты имеешь на это право, и все же — каждой женщине ты должен лично об этом сказать. Я могла бы посадить свой департамент, содрать с тебя по полсотни тысяч зеленых за каждый звонок, и ты заплатил бы, даже не пикнул. Но я этого делать не буду.

Лиза отошла от окна, щелкнула кофеваркой, по кабинету поплыл запах кофе. Я откинулся на спинку кресла, развер-

нулся, подъехал к столу. Лиза положила мой телефон на самый край, и отчего-то тянуло щелчком скинуть его прямо в мусорную корзину.

— Когда ты узнала, что твой отец тебе неродной?.. — начал я и осекся. Прошло почти тридцать лет, но я помнил все, будто было вчера: и Лизу, не зареванную, нет, какую-то окаменевшую, забившуюся в уголок школьной раздевалки, и ее мать, коршуном прилетевшую в школу выяснять, какая тварь посмела, и ее отца — отчима, который пришел, встал в проеме и долго ждал, что сделает дочь, как поступит, с чем придется справляться семье.

Мы с Адамом сидели в обнимку с портфелями в другом конце пустой раздевалки и молчали. Потом Лиза подняла голову и кинулась к отцу с воплем «Папа!»...

— Он мой отец, Андрей. Родной или нет, я даже в восемь лет понимала, что это неважно. Важно было, как я узнала об этом. «Как это ты Разумовская, почему, он же тебе не отец». — Лиза повернулась, держа в руках две чашки с эспрессо, подошла к столу, одну вручила мне — она не секретарша, чтобы сервировать мне кофе на блюдечке. — Вот потому, что каждую весть нужно сообщать правильно, я отдала тебе списки с условием, что ты всем женщинам позвонишь сам.

— Какова статистическая вероятность, что мой материал использовали как донорский?

— А я не математик, Андрей, я юрист, — невесело хмыкнула Лиза. — Мое мнение по этому вопросу ты знаешь —

дождаться окончания следствия и суда. Больше того, тебе недолго осталось ждать, они сами признают тебя потерпевшим, если выяснят, что твою сперму использовали как донорскую.

А если не выяснят, подумал я, но ничего не сказал. Сколько таких женщин, как эта Скворцова?

Наверное, она как Лиза. Самодостаточная, привыкшая рассчитывать на себя. Которая в свободный свой день пойдет с детьми в зоопарк, а не на маникюр, которая не начнет орать из-за каждой тройки, а еще всегда присядет, когда говорит с малышом. И никому не даст его в обиду.

— Лизка, напомни, почему я на тебе не женился?

— Потому что на сестрах жениться запрещено законом, — преувеличенно официально отозвалась она и посмотрела на часы. — А если кто-то сестра тебе по духу, то на ней жениться — идиотизм. Жену как я ты найдешь где угодно, а сестру — уже нет... кофе пей, остынет. И сейчас явится этот Ананьев со своими проектами, помоги мне бог его не убить.

Работа немного меня отвлекла. Немного — ровно настолько, чтобы я вспомнил про звонки уже когда заезжал в лифт, но это было все-таки полуправдой. Скворцова не шла у меня из головы, именно она, не те дамы, которые уже, наверное, рванули за анализом ДНК, едва они подписали соглашения и я перевел им деньги. Все же анализ не копеечный.

Чем она меня зацепила, чем? Эта женщина ни с кем не

собирается делиться ребенком, вдруг понял я, ей не нужно, она из тех, кто хотел стать матерью сознательно одинокой. Какие у нее на то были причины — черт знает, но даже если анализ покажет что-то...

То что? Судиться с ней? Требовать, чтобы меня признали отцом? Добиваться, чтобы у меня появились права на ребенка? Лиза отмалчивалась, говоря, что по таким делам мало практики, чтобы давать прогнозы, но я и сам успел посмотреть, что пишут. Предположим, что меня признают потерпевшим, обяжут клинику выплатить компенсацию, сумма будет такой, что я в час зарабатываю больше. И все, и на этом все кончится, потому что у Скворцовой действительно никаких претензий нет, у нее ведь абсолютно здоровый ребенок...

Лифт остановился, но я не выезжал, сам не понимая, как печатаю, отчего-то нервно сжав челюсти.

«Ирина, это снова Демидов. Я понимаю, что у вас все хорошо и у вас нет к клинике никаких претензий. Но нам необходимо встретиться и поговорить. Это важно».

Мое сообщение было доставлено, но ответ не пришел. Лифт сигналом напомнил, что я задержался, пора бы и честь знать.

Я доехал до парковки, кивнул охраннику. И снова полез в телефон. Ответа нет. Что же, попробуем расставить другой капкан.

«Ирина, донор должен быть абсолютно здоровым челове-

ком. Но я не донор, я сдал материал перед операцией и лечением. И я не самый здоровый человек. Если я отец вашего малыша, вам лучше знать, к чему быть готовой».

Глава третья

— Дура, от чего ты отказываешься?

Я молчала, сцепив руки, и смотрела на подругу пристально, но, многозначительно, мол, включи мозги, сама поймешь. С таким же успехом я могла требовать это от аквариумной рыбки — ну или у рыбки с мышлением все же получше, чем у моей бывшей одноклассницы, зря я рыбку недооцениваю.

— Мужик чего, на дороге валяется? — продолжала вяло истерить Настя, но еще немного, и она как кошка начнет стены когтями драть. — Кто он вообще такой? Ты узнала?

А вот это отличный вопрос... он мне назвался, но имя вылетело из головы, и я как-то после, уже по пути к следующей клиентке, сообразила, что звонок мог быть и мошенничеством, полезла в новости выяснять, правда ли, нет, что с клиникой какая-то муть, оказалось, что правда. Надо читать что-то кроме мамских пабликов, Ира, напомнила я себе, хотя бы периодически заглядывать, что творится вне твоего уютного мира, тогда не будет таким шоком практически ничего. Ну или будет, но не таким, как обухом по голове.

Оказалось, в сети уже недели две бушует скандал вокруг «Новы». Одной из клиенток оказалась достаточно известная блогерша, которая каким-то образом выявила, что при оплодотворении ее яйцеклеток был перепутан материал мужа с донорским. То есть клиника создала эмбрионы, которые ни-

кто не хотел... На свет появился ребенок, который биологически родной только матери.

Это стало первым звоночком, и, учитывая, на аудиторию какого размера блогерша вывалила эту информацию, — по-неслось. Возбудили уголовное дело, было уже несколько потерпевших, правда, их имена не назывались, я даже в самых обсуждаемых новостях это не нашла, потому что как могли, загнали под коврик всю катавасию. Понятно, люди замешаны не бедные, плюс интересы несовершеннолетних, но мне от этого...

А что от этого мне? Главное, что дочь абсолютно здорова. Еще главное, что в графе «отец» стоит прочерк. Еще важно, что мошенничество возможно только тогда, когда ты на него откликаешься, а я не откликнулась. Так мне и «служба безопасности банка» звонит раз в месяц, дурачье, как будто мне кто-то даст кредит с моей несчастной просроченной ипотекой.

— Настя, — разлепила губы я, — а напости, пожалуйста, что ты имеешь от своего мужика? Алименты там, помощь с ребенком, может, он с ним выходные проводит? — Настя заткнулась на полуслове и выпучила глаза, беспомощно открывала рот — если сейчас посыпать перед ней сахар на манер рыбьего корма, будет хватать. — Мне кажется, он дает вам деньги на отпуск, да? Ах да, я забыла, все, на что хватило твоего «мужика», это запретить тебе вывозить ребенка за границу. И как я могла забыть, как ты ревела на этой вот

кухне, потому что кредит на сто пятьдесят тысяч уже тью-тью, а самолет в Турцию тоже тью-тью вместе с путевкой, правда?

— Ну знаешь!.. — отмерла Настя, и на большее слов у нее от возмущения не хватило.

Что общего у меня с этой пустой девицей? Восемь лет с четвертого по одиннадцатый класс, а теперь и один подъезд — так сложилось, что ипотеку я взяла в том же доме, где всю жизнь жила Настя, и школу нашу было видно из окна ее кухни. Славные времена, всех забот — контрольная по математике.

— Знаю. Именно что я знаю, — припечатала я. Жестко? Ну а кому сейчас легко. — Вот знаешь, я знаю, слишком много, наверное, знаю, сама того не желая. Поэтому родила для себя и для дочери, а не ради ваших там «сохранений семей». Я родила для сохранения нервов — одна.

— Завидуешь, — поджала губы Настя.

— Ну, может быть, — со смешком согласилась я. — Я-то как дура инвестировала в свое спокойствие, а могла бы бесплатно от любого мужика родить, все равно результат вон один и тот же.

Все-таки в чем-то мы с Настей похожи, несмотря на разницу совершенно во всем. В неприкаянности, в неустроенности, и дело не в мужике, а в проблемах, которые копятся как снежный ком, и прикрыты вышитой салфеткой, как ламповый телевизор в доме старушки, и с виду все хорошо, аккуратно, пусть и старомодно, но если сдернуть салфеточ-

ку?.. У Насти — бывший муж, обычный, ничего в нем особенного, но разбежались как две свиньи. Объективно: могла бы выйти неплохая семья, если бы Витька не заливал глаза с пятницы по воскресенье, а Настя не трясла перед ним запросами королевы-консорта.

При разводе, как водится, перелаялись, облили друг друга помоями, пересчитали все ношенные трусы, теперь Витька мстит бывшей как может, она ему тоже мстит — постоянно твердит сыну, что он копия отец, такой же никчемный, и что из него вырастет «моральный урод». В итоге счастливых в этой бывшей ячейке общества нет. И жальче всех в этой ситуации ребенка.

А у меня ипотека, работа мечты и задолженность перед банком, и, пожалуй, я в более выгодном положении, все, что я должна или не должна, регулируется законом и всяческими бумажками, а не волей левой пятки какого-то человека.

— Ну, может, этот будет тебе алименты платить, — прохныкала Настя, скривив губы. Кто из нас кому завидовал, вопрос. — А может, вообще замуж позовет.

— Замуж мне не надо, а алименты это хорошо, — неохотно признала я, — двадцать пять процентов дохода бывают разные. Только вот для того, чтобы он их платил, мне придется через суд установить его отцовство и признавать за ним все права на ребенка, оно мне надо? Я дочерью торговать не хочу. Одно дело, если бы как у тебя — семья, брак, там уж как сложится, так и сложится. Другое — когда я рожала от

донора, понимаешь? В моей ситуации это какая-то мерзость и по отношению и к дочери, и к этому мужику...

Настя пожала плечами, повернулась, стала мыть чашки, я невидящим взглядом смотрела на торт. Осталась половина, хотя он и так небольшой, но мне хватило куска, я сладкое не то чтобы любила, а Настя сидит на диете при посторонних, так что доест, когда я уйду.

— Я пойду, — вздохнула я, действительно поднимаясь, — пора Машутку забирать.

Я жила тремя этажами выше, но домой заходить не стала, спустилась по лестнице, не вызывая лифт, послушала, как пищит кодовый замок подъезда, выпуская меня на свободу. Почему-то все подъезды в столице — как тюрьма, кодовые замки, где-то даже консьержки, и металлические двери, и хотя я знала, почему так — из-за терактов, которые случились, когда я была еще маленькой, все равно недоумевала. Дом ощущался крепостью — но не такой, в которой чувствуешь себя в безопасности, а словно убежищем из фильмов про постапокалипсис, где куча людей заперты и черт его знает, что хуже, зомби снаружи или сосед...

Я бы хотела жить в частном доме, пусть даже и деревенском, какой был у бабушки, но отдавала себе отчет, какие это огромные траты. Слышала от той же Эльвиры, особенно когда она обсуждала с клиентами раздел имущества и советовала брать компенсацию вместо того, чтобы вешать на себя «кандалы», как она выражалась. Говорила она с таким убеж-

дением, что сложно было ей не поверить, и если ее обеспеченные клиенты предпочитали брать деньгами, а не имуществом, то куда мне в дополнение к ипотеке еще и содержание дома?

А так хотелось распахивать по утрам окно и видеть, как встает солнце, а не ловить его призрачные лучи отблесками в чужих окнах. Мало мне в жизни солнца в чужом окне.

Нет, напомнила я себе, у меня есть дочь, и нефига жаловаться. Все, что я хотела, я сделала, может, запросы были не грандиозные, так бы я больше смогла, а может, я просто трезво смотрела на вещи. Да, я сильная и независимая, да, мне так себе в этой роли, но ткни меня палочкой, как только что это сделала Настя, и выяснится, что не очень-то я хочу поступаться как минимум собственной свободой и считаться вне работы с кем-то, кроме Машутки. Можно сколько угодно ныть, что хочется и рыбку съесть, и моську не перепачкать, но дойдет до дела, и голод окажется намного сильнее.

Телефон подал признаки жизни, я вытащила его, полагая, что это из садика — у воспитательницы дурная манера спрашивать, когда заберут детей, если большую часть группы уже увели. Но это была не Крокодила Аллигаторовна, а лучше бы она.

«Ирина, это снова Демидов. Я понимаю, что у вас все хорошо и у вас нет к клинике никаких претензий. Но нам необходимо встретиться и поговорить. Это важно».

Демидов? Голос у него был такой, словно вместе с фами-

лий он через столетия пронес капиталы своих знаменитых предков, хотя, конечно же, фамилия распространенная, вряд ли этот Демидов имеет хоть какое-то отношение к тем промышленникам и меценатам. И чего тебе от меня надо?

Я сунула телефон в карман и пошла к садику, заставив себя думать, где взять деньги и погасить долг перед банком. Если бы я завела себе страничку в социальной сети, то статусом поставила бы «все сложно» — не в отношениях, а по жизни. Вот у Насти проблема — маникюрша в отпуск ушла, а у меня — где раздобыть сто двадцать тысяч, не то чтобы у Насти тоже были лишние пять тысяч на маникюр.

Все так сложно, как бы все упростить одним махом, и если бы мне поймать золотую рыбку, я попросила бы только одно — оплатить эту чертову ипотеку. Никаких владычиц морских, я не вывожу, я взвалила на себя ношу слишком тяжелую, не то чтобы выбор у меня был.

Телефон затрясся снова, и на этот раз я не сомневалась, что это Крокодила.

«Ирина, донор должен быть абсолютно здоровым человеком. Но я не донор, я сдал материал перед операцией и лечением. И я не самый здоровый человек. Если я отец вашего малыша, вам лучше знать, к чему быть готовой».

Мое тело мгновенно окаменело. «Операция», «лечение», «ваш малыш» — от этих слов в голове неконтролируемо запульсировало только одно — «Опасность!» Медленно, словно зловещая тень из фильмов ужасов, по затылку спустился

леденящий холод. Мне показалось, что передо мной вырос монстр и неотвратимо занес над моей головой нож.

Глава четвертая

«Чертов извращенец!» — мысленно обозвал я сам себя, вызвав к себе в кабинет начальника службы безопасности. Уверен, именно так скажет и Лиза, только уже вслух, глядя в глаза и не стесняясь, когда узнает, что я задумал. А задумал я непотребное.

Взять несговорчивую даму — Ирину — под тотальный контроль, но без ее ведома. Чувствую себя подростком, планирующим тайком пролезть к окнам женского общежития.

На столе, прямо перед моим носом, лежали распечатки экспертизы профилей ДНК двенадцати детей. Детей, которые появились на свет благодаря донорскому материалу, который хранился в той самой клинике, где и мой.

В целом эти бумажки мне были уже не нужны. Еще до того, как курьер из бюро доставил их в мой офис, я получил не только их, но и сравнительную экспертизу с моим ДНК в электронном виде. Совпадений нет никаких. Конкретно к этим малышам я не имею никакого отношения.

Затевая эту эпопею с розыском, кому именно перепал мой генетический материал, я сам не понимал, что в результате меня устроит больше — уверенность, что оплошность клиники не повлекла за собой результативной процедуры, или что в этом мире появилось мое продолжение? Маленький человечек с еще наивными, широко открытыми глазами, взи-

рающий на окружающий мир...

— Прочь! — встряхнул я головой, приказывая самому себе не погружаться в болото подобных мыслей.

Одиночество никогда не было для меня проблемой. Наоборот, я из тех, кто с кайфом проводит время в собственных мыслях. Меня не тяготит отсутствие рядом со мной кого бы то ни было на постоянной основе. Всегда хватало регулярных, но непродолжительных встреч с друзьями и близкими. Почему же этот скандал вокруг клиники выбил меня из колеи? Почему еще совершенно не подтвержденное существование моего ребенка образовало не просто белое пятно в душе, которое хочется заполнить, а самую настоящую ноющую рану?

Поморщившись, я отогнал от себя ненужные размышления. Никогда не видел смысла в эмоциональном подходе к решению ситуаций. Но, как оказалось, в железобетонной броне тоже бывают трещины. Сфера жизни, в которой все хладнокровность и рациональность разносятся в труху учающимися ударами сердца.

По факту двенадцать женщин из пятнадцати возможных обрели радость материнства при помощи вполне добросовестных доноров, к коим я себя, конечно, не относил. На этом моменте мне могло бы стать легче. Напряжение последних недель, что я пытался разобраться в ситуации, должно было отпустить. Если бы не еще три женщины. Одна проживала за пределами моей родины и в данный момент уже по-

шла на сделку, ждем лишь результат. А вот последние две — проблемные. Обе несговорчивые, но каждая по-своему.

Короткий двойной стук по массиву тяжелой двери в мой кабинет оповестил, что прибыл начальник службы безопасности. Немногие могли вот так — минуя секретаря — входить ко мне. Коджо один из этих немногих, и это его фирменный стук.

Светлая дверь модного нынче цвета «грейндж» распахнулась, и в проеме появился приветственно улыбающийся Коджо. Впрочем, если заранее не знать, что это обнажение белоснежных клыков является дружелюбной улыбкой, можно словить паническую атаку даже психически здоровому человеку.

— Проходи, разговор долгий, — кивком головы указал я ему на кресло.

— У меня пятнадцать минут, — тут же обозначил мне рамки этот темнокожий засранец.

Глобально он, конечно, является моим наемным работником и вроде бы обязан играть по моим правилам. Но вот на практике... Он отвечает головой за мою безопасность, готов в любую секунду прикрыть, даже если это будет стоить ему жизни. Но дает гарантии, только если я буду выполнять все его рекомендации. Так что на практике Коджо берет мое расписание, и дальше во всех перемещениях я полностью доверяюсь его опыту.

Коджо родом из Ганы, вполне благополучной по африкан-

ским меркам страны. Такая себе чернокожая Швейцария. Страны, в которой зачастую можно встретить нищий сброд с европеоидными чертами. Прямо страна из Зазеркалья.

— Я буду краток, — с ухмылкой заверил я собственно-го сотрудника, чьи компетенции в коммуникабельности и соблюдение субординации вызывали вопросы не только у меня.

Но я привык к манере общения Коджо так же быстро, как и к его грозному виду почти двухметрового гризли с искрометной улыбкой в виде звериного оскала.

— Ознакомься, две задачи, обе по твоим меркам уровня сложности на троечку, — указательным жестом ткнул я в гостевой монитор, вмонтированный в стеклянную столешницу.

На экране перед Коджо были две фотографии. Две оставшиеся женщины, которые потенциально могли выносить моего ребенка, сами о том не подозревая.

— Аллу Уткину поручи кому-то из ребят. Девушка получила перевод денежных средств, но обязательства не выполнила. Требуется личной встречи, дабы убедиться, что я действительно тот, за кого себя выдаю, — на этом моменте я невольно поморщился, пытаясь подобрать слова, чтобы не быть слишком резким, поясняя всю омерзительность подобных уловок женщин ради безлимитного кошелька.

— Я понял, — избавил меня от мучений Коджо, но тут же преминул подколоть: — Устранить? — лениво, почти

невинно, поинтересовался мой профессиональный бодигард с хищным оскалом голодного бульдога.

— Ценю твое чувство юмора, Коджо. Оно вдохновляет... нет, скорее даже бодрит, — отрикошетил я, давно махнув рукой на своеобразные шутки этого добряка. — Вежливо убедить, что необходимо завершить свою часть сделки либо вернуть деньги. У Лизы возьми соглашение, которое подписала эта мадам, прежде чем получить средства. Там все написано. Деньги, как ты понимаешь, меня не волнуют, мне нужен результат по ДНК. Склоняйте в эту сторону мягко, но настойчиво.

— Понял. За шкуру и в бюро, — сложил пальцы Коджо в виде «ОК».

На это я лишь неопределенно повел плечом. Мне процесс исполнения не интересен, лишь итог.

— А эта? — перевел взгляд Коджо на фотографию Ирины Скворцовой. — Непохожа на охотницу за миллионерами.

В том-то и дело. Отправлял последнее сообщение в надежде, что риски здоровья собственного ребенка заставят эту змеюку вылезти из скорлупы. Но и это не помогло. В ответ я не получил ровным счетом ничего. Ноль. Зеро. Даже пресловутое «Да пошел ты!» было бы результативнее и перспективнее, чем непроницаемая стена игнора.

— Непохожа. Впервые в нашем заповеднике дичь не я, — произнес я, с удивлением обнаружив в своем голосе нотки сожаления.

С чего бы им взяться? Откуда вообще во мне вся эта эмоциональная каша в последнее время? Старею, что ли?

— У тебя осталось семь минут, охотничек, — поторопил меня Коджо и нетерпеливо забарабанил пальцами по стеклянной столешнице, сквозь которую на него с грустной улыбкой смотрела Ирина Скворцова. — Какая задача по этому цветочку?

— Ободрать все шипы, — буркнул я. — Наблюдение. Полный расклад: кто такая, чем занимается, какие сильные, а главное, слабые стороны жизни. На что можно надавить, чем манипулировать, за что зацепить. Мне нужно понять, где тонко, понял?

— Понял, но осуждаю, — покачал буйной головушкой Коджо, отлепив свой зад от кресла.

— Да иди уже, — махнул я рукой, сворачивая окна на своем ноутбуке и выключая монитор посетителя. — Развелось вас тут благородных, честных и незапятнанных.

Да, я в курсе, что мои методы далеки от честных и открытых. Но будь я простаком и доверчивым лопухом, то не сидел бы сейчас в этом кресле. Скрытые манипуляции, направленные на управление поведением, решениями и эмоциями — не самое страшное, на что я способен, если честно. То, что наживка в виде возможных генетических подарков от донора не напугала Ирину, меня не заставит остановиться.

— Хм... «Цветочек», значит... — нахмурился я, снова открывая фотографию Скворцовой.

У Цветочка были роскошные длинные каштановые волосы с легким, едва заметным медным оттенком. Густой копной они обрамляли лицо с широковатыми скулами. Впрочем, скулы совершенно ее не портили, скорее даже наоборот. Пухловатые щеки, нос, не тронутый никакими хирургами. Как и губы тоже — выглядят естественно. Обычная, натуральная, давно ставшая редкостью красота.

Однако самым притягательным на этом смазливом личике были серо-зеленые глаза. В ее глазах, казалось, отражаются не море и звезды, как это любят воспевать поэты. Нет. В ее глазах все намного сложнее и серьезнее. Кажется, в них отражаются жизнь и боль. А вместе с ними сила и упрямство...

— Вот это упрямство я и обуздаю! — разозлился я на Скворцову, будто она виновата в моем восприятии ее изображения на фото.

Где-то в глубине души я опасался, что эта Скворцова такая же, как моя дорогая подруга Лиза. Редкий цветочек окажется, прямо аленький, краснокнижный, но шанс наткнуться на него всегда есть. Успешная, при деньгах, с репутацией, которую не подпортить, либо которой на репутацию плевать. Увы, у нас тут не Британия времен королевы английского детектива, как зашел не в ту дверь, так и вышел, сегодня один скандал, завтра другой, попиарился сам, дай другому, а вот деньги...

Скворцовой могли быть деньги не нужны. Своих хватает. Так бывает. И что мне делать тогда — ждать, пока следствие

не закончится и до суда не дойдет?

Сдвинув снимок Ирины в правую часть экрана, я выбрал в папке фотографий одну из своих и разместил ее рядом.

Черт его знает, всегда я такой хмурый или неудачную фотку выудил, но рядом с нежной улыбкой Ирины я смотрелся отвратительно. Шевелюра непослушных волос эта жгуче-черная, вечно сдвинутые густые брови, взгляд какой-то бешеный, будто в непрерывном процессе поиска жертвы маньяк.

— И что во мне женщины находят? — почесав колючую щетину на подбородке, задал я вопрос в пустоту.

Маньяк на фотке мне не ответил.

— Красавица и Чудовище, — подытожил я, пытаюсь понять, чьи гены в этом тандеме оказались бы сильнее в случае, если ребенок у нее с моим набором ДНК.

Как ни крутил, все равно выходило, что я бы предпочел ребенка, похожего на Ирину. Уж слишком зверская у меня физиономия на этой фотке. Единственное, что сходилось — что ее серо-зеленые глаза, что мои стальные излучали одинаковую уверенность, строгость и твердость характера. Тут как ни выбирай — результат будет идентичный.

Выполняя этот нехитрый набор действий, я ни на секунду не задумался, зачем это делаю. Как то все спонтанно и неосознанно получилось. В десятый раз за день чертыхнувшись, я захлопнул крышку ноутбука, поняв, что уже опаздываю на прием к врачу.

Глава пятая

Спустя примерно две недели я практически перестала думать о странных звонках и не менее странных сообщениях от внезапно появившегося донора. Донора, чьи личность и данные должны были остаться для меня в секрете. Как и мои для него. Но что-то пошло не так.

Поначалу я терзалась мыслями, что либо он тот, для кого не существует вообще никаких преград, либо какой-то проходимец из сотрудников клиники, решивший... ну... например, шантажировать клиенток как-нибудь.

Именно потому что я не понимала, зачем настоящему донору может понадобиться искать рожденных с его помощью детей, я все больше склонялась к версии, что это был мошенник.

Разумеется, последнее сообщение заставило меня напрычась, и на какое-то время мой разум оказался полностью во власти паники и страха. Лишь одна-единственная мысль спасла меня от неразумных и необдуманных решений — в этой клинике не делают никаких операций мужчинам. Вообще. В этом я убедилась, изучив всю доступную информацию о «Нове» во всевозможных источниках. Клиника ориентирована лишь на лечение бесплодия женщин. Мужчины в ней могут пройти обследование, чтобы стать донором биологического материала, и на этом все. Точка. Вероятность,

что звонил действительно донор, казалась мне почти нулевой. Почти.

Закончив уборку у одного из моих постоянных клиентов, я спешно попрощалась с хозяином, намереваясь успеть заскочить в супермаркет перед тем, как забрать Машеньку из садика. Идти за покупками с малышкой сейчас не было никакой возможности. Ни финансовой, ни моральной. Устала я, как собака, от навалившихся проблем, которые совершенно не заканчивались, а наоборот, множились со скоростью летящего с горы снежного кома.

Погасила я задолженность, как обещала банку. Не всю, это раз, два — ипотека как была, так и осталась. И окончание ее маячило где-то одновременно с окончанием Машуткой института...

Прорвемся. Живем.

Я так торопилась, что, выскакивая из подъезда многоквартирного дома, едва не сбила с ног входящую женщину.

— Осторожнее! — воскликнула та, от испуга выкинув руку вперед и непроизвольно выбив из моих рук мои рабочие принадлежности.

Из корзины на крыльцо посыпались средства для уборки, отскакивая от бетона и разлетаясь что куда. Пароочиститель, висящий на лямке через плечо, больно ударил по ляжке, заставив мое лицо исказиться в гримасе.

— Боже, ну и растяпа! — проворчала женщина, отходя от меня подальше.

— Прошу прощения, — обронила я дежурно и перестала обращать внимание на недовольное сопение за моей спиной.

Мне сейчас не до расшаркиваний. Не растерять бы дорогостоящие средства в этих роскошных кустарниках.

Пока я ползала на четвереньках по придомовой территории, заметила еще одну странность. Меня неожиданно насторожила припаркованная рядом машина. Неожиданно — потому как я крайне невнимательный человек к происходящему на улице, да и вообще вокруг меня. Вечно замкнута в своих мыслях, настроена только на свои задачи, если рядом, конечно, нет ребенка, за которым нужно следить, не спуская глаз. Все остальное время я закупоривалась в аквариум, изолируя себя от творящегося вокруг.

А привлекла меня машина тем, что в ней сидели двое молодых мужчин и молча наблюдали за мной. То, что они не сделали даже попытки помочь, не удивляло. Кого это сейчас может удивить? Изумило другое — как только я встретилась с одним из них взглядом, он слишком поспешно отвернулся и даже попытался прикрыть лицо ладонью, делая вид, что почесывает бровь. И второй в это же время откинулся на спинку пассажирского кресла, почти совсем скрывшись за водителем.

«Что за шпионщина?» — мысленно озадачилась я, пока еще не понимая, почему это меня пугает. Хотя нет, понимая, разумеется, но не желая признавать, и с собственными возражениями я работала, как заправский продажник. Коллек-

торы банка? Так вроде их давно всех приструнили, а если бы и нет, то такие внештатные вышибалы долгов вроде как не из стеснительных и точно не стали бы от меня прятаться. И, конечно, задолженность у меня не такая, чтобы за мной гоняться. И я все гашу. С просрочками, с постоянными переговорами, но гашу. Какие-то заморочки с тем, что первый взнос оплачен материнским капиталом, с тем, что в квартире прописана малолетняя дочь — то есть так просто меня не выселить, и банку проще меня шугануть двумя шкафами, чем тащить за шкуру в суд, но вот это вот все-таки что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.